

настоящее святоотеческое), написал мне письмо, в котором есть следующее, весьма злое место о том же самом Федоре Михайловиче: *«Достоевский горячо верил в существование религии и нередко рассматривал ее в подозрительную трубу, как отдаленный предмет, но стать на действительную религиозную почву никогда не умел»*. По-моему, это злая и печальная правда!»⁸

⁸ Письмо К. Н. Леонтьева к В. В. Розанову от 24—27 мая 1891 г. — «О Великом инквизиторе: Достоевский и последующие». С. 188.

И самое, пожалуй, примечательное в оценках Леонтьева — это его отношение к образу Христа у Достоевского. Леонтьев не знал и не мог знать письма Достоевского к Н. Д. Фонвизинной, содержащее символ веры, — оно впервые было опубликовано только в 1892 году, вскоре после смерти Леонтьева (1891). Леонтьев судил о Христе Достоевского по «Великому инквизитору», и этот Христос ни в коем случае не убеждал сурового критика в том, что «Братья Карамазовы» — вершина в постижении писателем христианства, этап обретения осанны (то есть твердой, правильной, церковной веры, **настоящего православия**). По мнению Леонтьева, здесь все те же никуда не годные «прибавки», все те же «исправления». Вера Достоевского кажется Леонтьеву одинаково слабой и нежизнеспособной на всем протяжении творческого пути писателя. «Ведь я, признаюсь, хотя и не совсем на стороне “Инквизитора”, но уж, конечно, и не на стороне того **безжизненно-всепрощающего Христа, которого сочинил сам Достоевский**. И то, и другое — крайность. А евангельская и святоотеческая *истина в середине*. Я спрашивал у монахов, и они подтвердили мое мнение. *Действительные* инквизиторы в Бога и Христа веровали, конечно, *посильнее* самого Федора Михайловича. Иван Карамазов, устами которого Федор Михайлович хочет унижить католичество, совершенно не прав. Инквизиторы, благодаря *общей* жестокости века, впадали в ужасные и бесполезные крайности; но крайности религиозного фанатизма объяснить безверием — это уж слишком оригинальное “празднословие”»⁹.

⁹ Там же.

Леонтьев упрекал Достоевского за многое. За то, что писатель якобы хотел учить монахов, а не сам учиться у них. За то, что, дозрев сердцем до элементарных требований православия, писать и проповедовать **правильно он еще не мог**. За то, что в «Пушкинской речи» очень мало **истинно-религиозного содержания**, так что по сути своей это «космополитическая выходка» автора «Братьев Карамазовых»¹⁰. Леонтьев настойчиво обличал Достоевского в нецерковности его православия: герои в лучшем случае читают **только** Евангелие, а «чтобы быть православным, *необходимо Евангелие читать сквозь стекла святоотеческого учения*; а иначе из самого Св. Писания можно извлечь и скопчество, и лютеранство, и молоканство, и другие лжеучения, которых так много и которые все сами себя выводят прямо из Евангелия (или вообще из Библии)». Леонтьев подозревал Достоевского в том, что во время создания «Преступления и наказания» он очень мало думал о настоящем (то есть о церковном) православии: Соня Мармеладова «*молебнов не служит, духовников и монахов для совета не ищет, к чудотворным иконам и мощам не прикладывается*»¹¹.

¹⁰ К. Н. Леонтьев. О всемирной любви. Примечание 1885 года. С. 160.

¹¹ Там же. С. 144.